

Военная доктрина и её реализация на практике: проблема контроля за личным составом во французской армии 1920-х гг.

Магадеев Искандэр

Магадеев Искандер. Военна доктрина та її реалізація на практиці: проблема контролю за особистим складом у французській армії. Основна мета статті - вивчення причин і механізмів трансформації військової доктрини під час її зіткнення з практикою. Автор на прикладі проблеми контролю за особистим складом у французській армії у 1920-х рр. демонструє, що французьке воєнне керівництво, вимоги яких через соціально-політичні і фінансові причини було важко реалізувати на практиці, обрали свій шлях - вибудувувати легітимний статус своєї доктрини, статус, з яким було пов'язано їх власне соціальне положення. *Ключові слова:* воєнна доктрина, контроль, французька армія, «методична битва».

Магадеев Искандэр. Военная доктрина и её реализация на практике: проблема контроля за личным составом во французской армии 1920-х гг. Основная цель статьи - изучение причин и механизма трансформации военной доктрины при её столкновении с практикой. Автор на примере проблемы контроля за личным составом во французской армии в 1920-е гг. демонстрирует, что французское военное руководство, чьи требования в силу социально-политических и финансовых причин были с трудом реализуемы на практике, выбрали свой путь - отстаивать легитимный статус своей доктрины, статус, с которым было связано их собственное социальное положение. *Ключевые слова:* военная доктрина, контроль, французская армия, «методическая битва».

Magadeev Iskander. Military doctrine and its implementation: the problem of control over manpower in the French army of the 1920s. The main aim of the article is to investigate the causes and mechanisms of the transformation of military doctrine during its realization. On the basis of history of control over manpower in the French army of the 1920s the author concludes that French military leaders whose demands were not realizable because of socio-political and financial

constraints chose not to reject the doctrine but to stand for it and defend its legitimate status which was closely linked to their social position.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются разработчики любой военной доктрины, является возможность её реализации на практике при имеющихся ресурсах и социально-политических условиях, существующих в том или ином государстве. Как показывает история, цели военной доктрины редко реализуются на 100%, скорее, речь идёт о той или иной степени их воплощения на практике. Учитывая, что современные государства далеки от того, чтобы отказаться от разработок военных доктрин, изучение причин и механизма трансформации изначальных целей, формулируемых военными, является актуальной исследовательской задачей.

История развития французской армии в 1920-е гг. представляет в этом смысле неплохой пример. Тот факт, что анализ данного периода может быть полезным и при разработке современных военных доктрин (в том числе, НАТО) уже отмечался в литературе [22, р. 195]. При этом в его пользу говорит и наличие глубоких исторических исследований, посвящённых французской армии. Среди ключевых работ в этом направлении выделяются исследования американских историков Р. Даути [11], Э. Кир [14], Е. Кислинг [15] и их французских коллег: авторов «Военной истории Франции» [13], Ф. -А. Паоли [21], Ф. Массона [19].

Однако в рамках данного исторического периода есть сюжеты, вызвавшие меньше интереса исследователей, среди них проблема контроля за личным составом французской армии (сухопутных сил). Среди известных нам работ её подробной разработкой занимается в основном Э. Орр [20]. При этом ценность изучения данной проблемы, как мы постараемся показать ниже, достаточно высока. Источниковой базой для её решения для нас стали материалы французской военной периодики 1920-х гг. Данные материалы, слабо либо вовсе не задействованные в российской историографии, позволяют, с одной стороны, выявить основные элементы военной доктрины, с другой, проанализировать слабости и упущения в её реализации на практике, которые отмечались самими военными на страницах ведущих французских журналов. Именно через призму проблемы контроля за личным составом в рамках общей военной доктрины Франции в 1920-е гг. мы и будем разрабатывать тему данной статьи.

Целью нашей работы является выявление механизма, с помощью которого французское военное руководство пыталось реализовать на практике идеалы своей военной доктрины, а также причин, по которым оно было вынуждено их трансформировать. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить основные элементы проблемы контроля за личным составом в боевой обстановке во французской армии в 1920-е гг.; 2) раскрыть содержание и значение

ключевых факторов, способствовавших или препятствовавших реализации целей военного руководства; 3) проанализировать результаты «столкновения» требований военной доктрины с реальностью.

Стоит отметить, что под проблемой контроля в боевой обстановке мы имеем в виду комплекс представлений военного руководства по вопросу о том, как контролировать личный состав в условиях боя. При её решении мы сделаем акцент на представления о характере будущих военных действий и задачах, к которым военная элита считала необходимым готовить личный состав армии.

Доминирующей концепцией в сфере взглядов французских военных на природу боя в будущей войне в Европе была доктрина «методической битвы» (*bataille conduite*). Как отмечает Э. Опп, она «выросла из пересечения [двух факторов]: принятия военной элитой того [факта], что оборона была доминирующей в тактическом и оперативном отношении, и уверенности в том, что координация была наиболее важной составляющей победы в современной войне» [20, p. 66].

Проблема координации была одной из доминирующих военно-теоретических проблем 1920-х гг. Для сухопутных войск ключевой была проблема координации ведения огня и манёвра. По сути, два этих понятия были неразрывно связаны. Мысль маршала Петэна о том, что «атака это огонь, который продвигается вперед, защита это огонь, который останавливает, манёвр это огонь, который перемещается» [цит. по: 7, p. 272] вошла в основные руководящие документы французской армии. Так, координация огня и манёвра была важнейшим фактором реализации одного из основных требований «Временной инструкции» от 6 октября 1921г. – пожалуй, главного французского руководства по тактическим действиям – создания непрерывных огневых заграждений (*barrage de feu continu*) [10, p. 290].

Данное требование могло быть реализовано лишь в весьма специфических условиях. Речь идёт, как минимум, о двух факторах. Во-первых, о децентрализации командования. Не раз отмечалось, что «децентрализация средств ведения огня во всех эшелонах должна позволить сначала командирам рот первого эшелона, затем командирам батальонов, быстро решать локальные инциденты и продвигаться вперёд» [8, p. 506]. Во-вторых, о необходимости обеспечения слаженных действий солдат и их подразделений.

Насколько имевшаяся система обучения личного состава могла обеспечить подобную слаженность? По доктрине «методической битвы», теоретически, обучение резервистов должно было включать в себя отработку взаимодействия на уровне полка и выше. Однако, как отмечалось самими военными, в условиях сокращённых штатов обучение, которое формально производилось в полку, фактически осуществлялось лишь на уровне рот и батальонов, т.к. номинальный полк по своей численности равнялся лишь нескольким ротам [23, p. 564].

Иными словами, складывалась парадоксальная ситуация: требования доктрины и практика обучения личного состава находились в противоречии друг с другом. Как можно объяснить этот парадокс?

На наш взгляд, речь шла о своеобразном компромиссе между концепцией боя, закрепленной в руководящих документах, и действительной организацией армии. Требования создания непрерывных огневых заграждений, слаженности действий бойцов в условиях существовавшей военной системы могли быть реализованы лишь на уровне подразделений – рот и батальонов. Отмечалось, что «только подразделение (пехотная рота, взвод) могут быть ответственны за защиту участка линии [фронта]» [9, р. 73]. По сути, складывалась ситуация, когда требования руководящих документов не были реализуемы на уровне соединений (дивизий). Подполковник Бай, анализируя требования, предъявляемые к реализации плана огня на местности, сделал вывод о недостатке средств для их воплощения на практике при условии фронта дивизии в 4 км [4, р. 33–35]. Важно отметить, что для того, чтобы на дивизию приходился такой участок фронта, армия должна обладать огромной материальной частью и быть полностью обеспечена людьми. Неслучайно, что фронт обороны дивизии не превышал 5 км лишь к концу Первой мировой войны [2, с. 608].

Аналогичный парадокс можно констатировать при анализе другого требования французских военных – наложения друг на друга (*superposition*) трех планов огня: рот первого эшелона, пулеметов, артиллерии [10, р. 297]. Английский полковник Ренни отмечал, что создать непрерывное огневое заграждение на оборонительном фронте невозможно, он говорил о необходимости взаимозамещения огня пехоты, пулеметов и артиллерии [24, р. 42] – том, что во французской литературе обозначалось термином *juxtaposition*. Ренни пишет о бригадных или даже дивизионных планах огня и в данном контексте с ним сложно не согласиться. По сути, наложение трёх планов огня было возможно лишь на ограниченном участке, примерно равном фронту обороны батальона, оцениваемому французскими военными в 1 км [1, с. 177; 10, р. 295]. Таким образом, можно констатировать, что требования руководящих французских документов в области организации обороны на уровне соединений были реализуемы лишь в результате серьёзного усиления армии, возможного при развёртывании вооружённых сил государства и переводе экономики на военный лад. В системе же французской армии 1920-х гг. они могли быть воплощены на практике лишь на уровне подразделений (рот и батальонов). Одновременно именно на данном уровне можно было достигнуть той степени контроля за личным составом и слаженности бойцов, которые считались необходимыми в условиях современной войны. За рассмотренными выше фактами, по сути, скрывался компромисс, на которой пошло военное руководство. Оно предпочло сохранить свои представления о роли контроля и условиях победной организации обороны, несмотря на то, что военная

организация, созданная законами 1927-1928 гг. под давлением политического руководства, лишь в небольшой степени была приспособлена для реализации этих представлений на практике.

Другой стороной концепции «методической битвы» была уверенность в приоритете обороны. Не раз в той или иной форме повторялась мысль о том, что «сегодня никто больше не думает требовать успеха в обороне позиции сопротивления в основном от контратак... Окопавшиеся люди, стреляющие по врагу на марше по открытой местности, находятся в таких условиях, которые позволяют остановить наступающего, несмотря на меньшее количество людей и технических средств. Серьёзное увеличение огневой мощи на открытой местности особенно благоприятствует обороне» [10, р. 288]. Важным в данном случае является тот факт, что приоритет обороны был связан с возможностями по осуществлению контроля. Преимуществами обороны, в частности, выступали следующие факторы: 1) возможность предварительной разработки продуманного плана огня. «Хорошо продуманный план огня обеспечивает полное [огневое] заграждение без «щелей» [16, р. 223]; 2) возможность заблаговременного проведения работ на местности, создающих преимущества для обороняющихся и снижающих потери [5, р. 165]. Иными словами, оборонительная позиция предоставляла время для создания своеобразных рамок, в границах которых было легче контролировать ход дальнейшего развёртывания боевых действий.

Напротив, как подчёркивает английский историк М. Александер, наступление вызывало недоверие у французского руководства, так как являлось наиболее неконтролируемой формой боевых действий [12, р. 185]. Если всё же ценность наступательных действий признавалась военными, то это не означало уменьшения значения контроля за личным составом, а, напротив, увеличение роли чёткого координирования средств ведения огня и передвижения войск [6]. Иными словами, требование контроля приобретало в этом случае ещё большее значение. Так, в частности, генеральный инспектор пехоты генерал Мэстр отмечал в 1921 г., что лишь координация действий новейших вооружений и личного состава при выполнении тщательно продуманных временных графиков может помочь превзойти оборону противника [20, р. 68].

Французские военные в 1920-е гг. рассматривали боевые действия через призму тщательно разработанных схем, в которых солдатам и офицерам отводилась роль исполнителей. Для военной мысли было характерно своеобразное «расчерчивание» поля битвы на 3 зоны: ближняя, промежуточная и дальняя. В первой из них основным средством обороны был огонь пехоты, в третьей – огонь артиллерии, во второй – противник считался мало уязвимым [18, р. 227–228]. Для каждой зоны существовал свой план огня, очередность вступления в бой той или иной огневой точки.

Как можно заметить, для французских военных был характерен своеобразный «технологический» подход к боевым действиям. «Техника

заменяет численность», – такова была, по словам генерала Аллео, ходячая истина во Франции [1, с. 148]. Складывается ощущение, что очень многое, если не всё, должна была решить техника и планы командования, солдаты должны были лишь чётко выполнять инструкции. Не раз повторялось, что «при нашей подготовке к будущей войне мы должны, прежде всего, подумать о мощных и разнообразных технических средствах» [2, с. 177]. В данном контексте от эффективности контроля над личным составом зависело очень многое.

При этом ещё до 1914 г. высказывались сомнения в том, что резервисты отвечают тем высоким требованиям по координации действий солдат, которые задаёт современный бой [20, р. 57]. Средством решения вопроса стало увеличение числа профессиональных войск.

Французское командование рассматривало профессиональные части как наиболее боеспособную и наиболее надёжную часть войск. Костяк профессиональной армии составляли военные, прошедшие через Первую мировую. Выражались опасения по поводу ситуации в случае постепенного ухода из армии этих кадров [23, р. 571]. В условиях сокращения срока службы военные стремились сопроводить каждый подобный закон увеличением общего количества профессиональных войск. Так, в июне 1922 г. во время дебатов по вопросу введения 1,5-летнего срока службы (будущий закон 1 апреля 1923 г.) бывший военный министр А. Лефевр настаивал на том, что переход к такому сроку службы возможен без опасности лишь в случае наличия профессиональной армии из 100 тыс. чел. [23, р. 574]. Законы 1927–1928 гг., установившие новую организацию и штаты армии, а также срок службы в 1 год, сопровождалась увеличением числа профессиональных военных (вместе с категорией отставных офицеров (*agents militaires*) – 121 тыс. чел.) [13, р. 342].

Нужда в профессиональных кадрах усиливались в свете быстрого технического развития военных средств в 1920-е гг. Этот процесс находился, по мнению военных, в противоречии с уменьшением срока службы. Призывники не успевали изучить новые вооружения, получить устойчивые навыки работы с ними [1, с. 151]. И всё это в условиях, когда уровень владения техникой рассматривался как основное условие выполнения армией возложенных на неё миссий [17, р. 703].

Таким образом, анализ проблемы контроля за личным составом в свете вопроса о реализации военной доктрины на практике показал, что: 1) основными средствами контроля выступали увеличение количества профессиональных военных в общей структуре армии, а также разработка планов и схем боевых действий, которые должны были служить «рамками» для действий солдат в условиях войны; 2) основным фактором, препятствовавшим воплощению в жизнь представлений военной элиты, являлось несоответствие этих взглядов имеющимся ресурсам: финансовым (затраты на армию), политическим (расхождение точек зрения политического и военного руководства по вопросам о

будущем устройстве армии – сроке службы, количестве профессиональных солдат, др.); 3) основное значение мероприятий по реализации представлений военной элиты в сфере контроля заключалось в том, что: а) личный состав французской армии готовился к войне, в целом весьма похожей на Первую мировую; б) воплощение на практике представлений военных об условиях будущего боя, могло осуществиться лишь при условии мобилизации армии, её доукомплектования и обеспечения мощной материальной частью, т.е. в условиях войны. Армия мирного времени, по сути, не могла соответствовать их требованиям.

В результате рассмотрения проблемы реализации военной доктрины на практике мы можем констатировать, что политика военного руководства в данном вопросе обуславливалась двумя группами причин. Во-первых, причинами, не зависевшими от воли самих военных. В эту группу входили политические факторы, с которыми были связаны мероприятия по сокращению армии и срока военной службы, а также процессы трансформации общественно-политической жизни послевоенной Франции – рост пацифистских настроений, проекты демократизации армии. Во-вторых, речь идёт о причинах, связанных с решениями и концепциями самого военного руководства. Военное руководство выработало определенную систему представлений о характере будущих вооруженных столкновений («методическая битва»), приоритет в которой отдавался оборонительной тактике и усилению контроля над действиями военнослужащих. Данные представления военные стремились сохранить за счёт насыщения армии профессиональными военными в условиях, когда общая военная организация не отвечала их запросам.

Тем самым история военной доктрины французской армии в рамках рассмотренного частного случая её приложения раскрывает любопытный аспект одного из возможных вариантов соотношения самой доктрины и её реализации на практике. Французские военные в условиях невозможности полной реализации своих представлений в мирное время, не пошли на трансформацию самой доктрины – они предпочли отстаивать её и бороться за её легитимный статус. И это не было случайным. Ведь от легитимного статуса доктрины в немалой степени зависел легитимный социальный статус самих военных, статус, от которого любая социальная группа не отказывается «без боя».

Литература

1. *Аллео*. Воздушная мощь и сухопутные вооруженные силы [Текст] / Аллео. – М., 1936.
2. *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне [Текст] / А. А. Строков. – М., 1974.
3. *Фоиш Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.) [Текст] / Ф. Фоиш. – М., 1939.

4. *Baills*. Évolution des idées sur l'emploi tactique de l'organisation du terrain, de Napoléon à nos jours [Текст] / Baills // Revue militaire française. – Janvier, 1927. – №67. – P. 28–51.
5. *Baills*. Évolution des idées sur l'emploi tactique de l'organisation du terrain, de Napoléon à nos jours [Текст] / Baills // Revue militaire française. – Février, 1927. – №68. – P. 164–185.
6. *Barbeyrac de Saint-Maurice*. L'ajustage des feux et la manœuvre [Текст] / Barbeyrac de Saint-Maurice // Revue militaire française. – Octobre-Décembre 1928. – T. XXX. – P. 154–175.
7. *Berenguier*. L'Instruction et l'éducation de l'infanterie [Текст] / Berenguier // La Revue d'infanterie. – Septembre 1926. – Vol. 69. – P. 269–281.
8. *Berenguier*. L'Instruction et l'éducation de l'infanterie [Текст] / Berenguier // La Revue d'infanterie. – Novembre 1926. – Vol. 69. – P. 493–511.
9. *Bouchacourt*. L'infanterie dans la bataille. Étude sur la défense [Текст] / Bouchacourt // La Revue d'infanterie. – Juillet 1926. – Vol. 69. – P. 20–77.
10. *Bouchacourt*. L'infanterie dans la bataille. Étude sur la défense [Текст] / Bouchacourt // La Revue d'infanterie. – Septembre 1926. – Vol. 69. – P. 281–315.
11. *Doughty R. A.* The Seeds of Disaster. The Development of French Army Doctrine 1919 – 1939 [Текст] / R. A. Doughty. – Hamden, 1985.
12. France's Foreign and Defense Policy, 1918-1940. The Decline and Fall of a Great Power [Текст] / Edited by R. Boyce. – London, 1998.
13. Histoire militaire de la France. [Текст]. Vol. III. / Sous la direction de A. Corvisier. – Paris, 1992.
14. *Kier E.* Imagining war. French and British military doctrine between the wars [Текст] / E. Kier. – Princeton, 1997.
15. *Kielsing E.* Arming Against Hitler: France and the Limits of Military Planning [Текст] / E. Kiesling. – Lawrence, 1996.
16. Les bataillons de mitrailleurs [Текст] // La Revue d'infanterie. – Aout 1926. – Vol. 69. №407. – P. 222–235.
17. L'Instruction de l'infanterie allemande en vue du combat (d'après les manuels récents) [Текст] // La Revue d'infanterie. – 1926. – №411. – P. 688–703.
18. *Lugand*. Étude au sujet des mitrailleuses [Текст] / Lugand // Revue militaire française. – Mai 1924. – №35. – P. 213–235.
19. *Masson P.* Histoire de l'armée française. De 1914 à nos jours. [Текст] / P. Masson. – Paris, 1999.
20. *Orr A.* Mental Maginot Lines: Anti-Republicanism, Gender, and Voting Rights in the Politics of the French Army, 1871-1940 [Текст]: Ph. D. Dissertation / A. Orr. – Notre Dame, 2007.
21. *Paoli F. -A.* L'Armée française de 1919 à 1939 [Текст]. Vol. II-III. / F. -A. Paoli. – Paris (s.d.).
22. *Rajevs I.* The French Army in the Interwar Period [Текст] / I. Rajevs // Baltic Security & Defense Review. – 2009. – Vol. 11. № 2. – P. 186–207.
23. *Rebour*. La question des effectifs [Текст] / Rebour // Revue des deux mondes. – 1 Avril 1925. – P. 561–579.
24. *Renny L. F.* The Coordination of Fire-Power in Defense [Текст] / L. F. Renny // Army Quarterly. – April 1927. – Vol. 14. №1. – P. 35–44.